

ждут, пока переменится его походка или суровая складка рта, останутся навеки в старых девах...

Обыватель, конечно, в ужасе. Для него, ведь, не существует других ценностей, кроме его разбитого чайного сервиза...

Но мы идем навстречу новой жизни. Той жизни, ценности которой рождаются и частично родились уже в огне и муках революции. Кто их не видит — слеп. И как рассказать вечно слепому о прелести ярких красок и блеске солнечных лучей?

* * *

Но тот, кто видит, знает.

Знает, что на развалинах бывшего строится новый мир. Знает, что боа разрушения творчество было невозможно. Знает и то, что пока не будет кончена постройка, на прекратятся резкие удары революции по призракам минувшего, встающим из могилы, чтобы смущать покой и труд живых.

И те, кто революцию по истинному понял и по истинному принял, те отдали ей душу свою.

Не ради черных знамен трагической музыки, как говорил Степпун, а ради багряного знамени зари грядущего.

В этом — их радость. Ибо в этом — Россия.

Патриоты наизнанку

Демократы русского Парижа шумно негодуют ныне на поведение «национального комитета». Поведение, действительно, не из похвальных. Люди, бряцающие именем национализма, поехали в Лозанну ради попытки нанести губительный удар своей стране. Поехали, дабы убедить французов в необходимости, совместно с Англией, обессилить и связать Россию на Ближнем Востоке и на Черном море. В качестве благородного мотива щеголяет, конечно, борьба против советской власти. Борьба — за счет России...

Демократы негодуют. Нет спору, это негодование — справедливо. Но позволительно спросить: многим ли сами негодующие лучше?

Ответ едва ли может быть благоприятным. Лозаннская проделка патриотов монархической реакции — только повторение той поли-

тики, которая ревностно проводилась непримиримыми, демократами при точно такой же обстановке во время Генуэзской и Гаагской конференций. И если тогда они действовали при помощи газетных статей, квазиученых меморандумов и частных писем, а не при помощи личных поездок, и то только лишь потому, что их паспорта не удостоились необходимой визы...

Зато немного раньше, во время конференции в Вашингтоне они отрядили, туда своих эмиссаров, которые действовали там точно так же, как посланцы «национального комитета» в Лозанне. Действовали против русского достоинства и против русских интересов, — и разница лишь в том, что тогда речь шла о нравах России на Дальнем, а теперь — о ее правах на Ближнем Востоке.

И правые, и левые эмигрантские политики друг другу не уступят. И те, и другие одинаково готовы ударить по национальным интересам своей страны. Не только на арене дипломатических состязаний, но и тогда, когда им вдали виднеется жестокое поле кровавой брани... Не будем вспоминать былого; оно уже приобрело достаточно прочную, хотя и печальную известность. Но и теперь, почта каждый день раскрывает перед нами какой-либо полый пример эмигрантского патриотизма наизнанку.

Еще не заглохли отзвуки новой проповеди «общеславянской интервенции», — проповеди, вложенной недавно русскими реакционерами в уста чешского честолюбца, — как парижский орган демократов, газета Милюкова рукоплещет подозрительным румынским замыслам. За день или за два до известий о странной и таинственной мобилизации румынских войск, эта газета, услужливо забегаая вперед, сообщает фантастические вымыслы о мнимых русских агрессивных планах. Сообщает, очевидно, для того, чтобы заранее оправдать ход событий, могущий привести к нападению на Россию, — а может быть, и для того, чтобы ускорить темп этих событий...

Да! Любви к отечеству у наших эмигрантов не приходится искать. Но сами они делают вид, что веруют в свою правоту. Едва ли можно, однако, сомневаться в том, что такая вера искренней быть не может. Ведь, ни для кого не тайна, что аргумент, которым они прежде неизменно прикрывались, теперь потускнел, выветрился и ... исчез. Прежде они размахивали предсказанием неминуемой гибели советского порядка на ближайших днях; и потому они говорили, это их антигосударственные планы не повредят стране, ибо рассчитаны на очень короткий срок, на месяц или два.

Но их речательства оказались столь же правдивыми, как и вообще все рекламы всяким патентованных чудес. И теперь они не решаются

повторять свои прежние пророчества, и ни сами говорят о «длительном процессе» и не дерзают более с наскаку отрицать устойчивость нового русского порядка. И если кто-либо из них иногда по старой памяти пытается что-либо пробормотать о «близкой гибели», — то им самим становится неловко.

И если тем не менее они продолжают направлять удары и против русскою порядка, и против самой России, — то это происходит потому, что они осуждены собственным роком. Роком, который постигает тех, кто отрывается от родной земли и теряет живое ощущение ее. При таком разрыве — родина и ее интересы отходят в невидимую даль, а на просторе властвует лишь озлобленность потрясенного обывателя иди упорство политических догматиков. Но в этом скрыта уже и кара за содеянное. Ибо это значит — бесповоротно отсечь себя от своей страны и ее судеб.

То, что есть

Проповедники эмигрантской демократии любят проливать крокодиловы слезы по поводу мнимых международных «неудач» России. Они прекрасно знают, что эти «неудачи» выдуманы ими, — но все же непрерывно вокруг своей выдумки шумят, ибо надеются таким путем одновременно убить двух зайцев: бросить тень на новый русский строй и устроить пышную рекламу для самих себя.

Ведь, цель и смысл всех этих неискренних причитаний — всегда в их заключительном аккорде: пустите нас ко власти, и вы увидите, как нас уважают все иностранцы; вы увидите, как непреклонно мы блюдем национальное достоинство и национальные интересы России; вот что было бы, если бы мы правили страной.

Иных наивных или беспамятных людей их уверения, быть может, способны соблазнить. Но тех, кто умеет помнить, едва ли могут искушить их клятвы о том, «что было бы, если бы»... Для точного предсказания на этот маловероятный случай нет надобности прибегать к беллетристике сослагательных наклонений; для этого более, чем достаточно, справиться с историческими фактами «изъявительного» прошедшего времени.

Опыты демократической власти были проделаны в годы гражданской войны. В Архангельске и в Одессе, в северо-западной области